

Симашенков П.Д. Роль идеологии в развитии правосознания.

В сборнике: Государственное регулирование общественных отношений в регионе: социально-экономические, правовые и историко-культурные аспекты. Чебоксары, 2022. С. 363-369.

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу идеологического компонента правосознания. Правовые идеи придают смысл и вес оценочным критериям в юридических нормах, развивают правовую интуицию, которая выше догматического знания и бюрократического крючкотворства. Идеология насыщает юридическую форму гуманистическим содержанием. Приверженность идеалам не выхолащивает мышление юристов до конструкций и алгоритмов. Правовая гармония видится автору в сочетании идейного максимализма с юридическим минимализмом.

Ключевые слова: идеология, правосознание, патриотизм, бюрократия, гуманизм, юриспруденция

THE ROLE OF IDEOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL CONSCIOUSNESS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the ideological component of legal consciousness. Legal ideas give meaning and weight to evaluative criteria in legal norms, develop legal intuition, which is higher than dogmatic knowledge and bureaucratic hookworming. Ideology saturates the legal form with humanistic content. Commitment to ideals does not emasculate the thinking of lawyers to constructions and algorithms. The author sees legal harmony in the combination of ideological maximalism with legal minimalism.

Keywords: ideology, legal consciousness, patriotism, bureaucracy, humanism, jurisprudence.

Актуальность темы во многом определяется кризисными явлениями, которые впору именовать уже не девиациями, а откровенными патологиями правосознания: от гипертрофированного правотворчества до редуцированного правоприменения. Корень зла, по нашему мнению — в ханжеском отношении к идеологии: слово это помечено "советским бэкграундом", а потому осмысливается преимущественно в негативно-критиканском ключе, мало отличимом от незатейливого правового нигилизма.

Современная тенденция "развенчания либерализма" силами переобувшихся на ходу экс-либералов (а ныне, как водится, заправских консерваторов и урожденных государственников) только запутывает дело, ведь провозглашаемая ими "диктатура закона", по сути, понятие чисто либеральное. Как следствие — "синдром бешеного принтера", своеобразная юридическая рекурсия. Корректировать и сдерживать самовоспроизводство законодательства призвана идеология; в этом миссия,

а вовсе не функция, как полагают исследователи, анализирующие сей феномен в духе теории Р. Мертонa [2]. Грешно развивать "функционал идеологии" и пользоваться ее в интересах политики — хотя бы оттого что правовая идеология не может быть сочинена или разработана "под ключ"; она неслиянна и нераздельна с правом интуитивным [6] и позитивным. По большому счету, идеология есть деятельное воплощение правовой доктрины, в идеале между ними должен стоять знак равенства. Высокий уровень правосознания достигается лишь руководящим принципом, без которого оно деградирует до житейской сметки. Следовательно, идеология выше правосознания, но не надстройка, а его творец.

Во многом ошибочными представляются нам попытки ограничить "сферу влияния" идеологии правовой политикой, сводя ее к субъективно-тенденциозному упрощению действительности или, наоборот — к систематизированным рационально-теоретическим представлениям о праве. Сторонники подобных взглядов склонны игнорировать или недооценивать синкретический характер идеологии, благодаря которому та обладает мощным профилактическим потенциалом [4]. Правовые идеи живы более установками, нежели формулами, их аксиоматика регулирует без регламентации (т.е. не устанавливая и не запрещая), ибо призывает не допускать — и тем самым способствует предотвращению произвола. Идеология придает смысл и вес оценочным критериям в юридических нормах, развивает правовую интуицию, которую мы ставим гораздо выше догматического знания и бюрократического крючкотворства.

Мировоззренческие установки не клишированы — стало быть, не формируют предубеждений. Идеология вовсе не стандартизирует общественные отношения, упрощая до процедур и алгоритмов; стереотипы — скорее следствие девиаций правосознания. Идеологический подход помогает не утратить чувство реальности, когда общее видение ситуации искажено мельтешением эпизодов правовой действительности, эту реальность маскирующих. Заметим: современная юриспруденция из науки мутирует в технологию правоприменения. Ее адепты уже не юристы, тем паче не правоведы — они просто лойеры разного уровня вышколенности, а ведь принципы права без принципиальности правоприменителей — медь звенящая и кимвал звучащий. По нашему убеждению, юрист должен быть укоренен в правовой идеологии: она если и не панацея, то отличное средство от цинизма и софизма, от предвзятого (в т.ч. и нарочито буквального) толкования нормативных предписаний. Значит, идеологией совершенствуется и юридическая техника, очищаясь от плевел политриторики. Скажем больше: лишь в пространстве правовых идей возможно если не устранить, то сгладить противоречия, изначально встроенные в юридический механизм.

Во-первых, баланс между правом-привилегией и правом-гарантией, т.е. вопрос субъектности и субъективизма в осуществлении прав. Полагаем,

главная предпосылка злоупотребления заключается в дроблении субъективного права на мелкие эгоистические возможности. Для сервисной парадигмы "гос.услуг" подобное расширение ассортимента вполне предсказуемо, но не стоит забывать: приоритетная задача права состоит исключительно в разумном контроле "суверенитета личности" (как принято понимать свободу на Западе).

Поясним нашу позицию. Право всегда охраняет, о(т)граничивая и тем самым упорядочивая отношения пределами их реализации. В конечном счете, оно есть утилитарная (и не самая удачная) попытка решить вопросы о равенстве — путем формального уравнивания и административного выравнивания. Формализацию можно признать если не выигрышной, то уж точно беспроигрышной моделью поведения в проблемной ситуации. Стало быть, стремление к процедурной оптимизации правоотношений конституирует их конфликтный характер, а в таком формате законность бесполезна в деле восстановления гражданского согласия или социальной гармонии. Легион "узкоспециализированных" омбудсменов — наглядный показатель беспомощности правоохранительной системы там, где идеологические пустоты заполняются коррупциогенным паллиативом, в основе которого все то же согласие, только в извращенной интерпретации — как соглашательство и соучастие. Характерная тенденция — вторжение вульгарной цивилистики в публично-правовые отрасли (коррупционный форс-мажор [7], сделки со следствием, альтернативные санкции как преискурнты наказаний). Сила запретов в категоричности, поэтому излишняя их детализация разлагает правосознание до формулы "нельзя, но если очень хочется, то можно". Полагаем, ограничения нужно минимизировать, однако трактовать надлежит максимально широко — сообразно правовым идеалам.

Исторически сложилось, что регуляторная функция проявляется либо в праве-привилегии (карт-бланш на произвол, более характерно для рабовладения и феодализма), либо в праве-гарантии (сдерживание произвола государством, буржуазная интерпретация). Мещанское сознание адептов "эффективных продаж" превращает субъективное право в функцию, а предоставляемую законом возможность — в ресурс, благодаря чему в нынешнем состоянии обнаруживается инверсия: право субъективное вырождается из гарантии в привилегию права кулачного или телефонного. Причем и осуществление, и защита зависят от амбиций и потенций самого бенефициара-правообладателя.

Во-вторых, запрет на злоупотребление правом — как вектор самоупразднения и самоотрицания. Логично предположить, что данное ограничение предполагает нечто сверх-легальное, пребывающее вне коллизий и оттого способное их разрешить. Когда-то такими "инстанциями" считались соборный разум Церкви и коллективный авторитет Коммунистической партии, а ныне — кто? Формирование

идеологии есть дело интеллигенции [8], которую в постперестроечной России подменили космополитичной и типа-оппозиционной прослойкой из числа медийных персонажей и прочей спортивной и богемной "элиты". На арену законотворчества выдвигают "аборигенов планеты власти" — потомственных управленцев, не отличающих судопроизводство от судостроения. Идеалов для них нет, приоритетны фамильные и корпоративные интересы, да и судят все чаще не столько по закону и совести, сколько согласно трендам, формируемым шоу-пропагандистами.

Подобный ход вещей выдвигает на первый план манипулятивную модель трактовки позитивного права, вобравшую в себя худшие черты прецедентного и нормативистского подходов: от первого — обилие резонансных казусов, слабо поддающихся систематизации; от второго — формализм и казуистику. По идее, прецедент есть экстраординарная ситуация, однако несуразное закрепление в нормативном правовом акте делает ее типовой. Как результат — дезориентация, осложненная симптоматикой правового бессилия: "чрезвычайщиной" в правотворчестве и лоскутным латанием пробелов. В обозримой перспективе — легитимизация дискреционных полномочий, поощрение репрессивных методов и, как следствие, милитаризация сознания, т.е. одичание.

В этой связи важно подчеркнуть: ценностью почитается Справедливость, коей надлежит господствовать при посредстве права [3]. Идеология (в т.ч. и не позитивированная) утвердительно отвечает на вопрос "возможна ли справедливость в государственно организованном обществе" — стало быть, призвана вселять веру в торжество правды и законности. Последнее не тождественно абстрактному "верховенству закона", т.к. предполагает конкретный режим правоприменения: правовыми идеями детерминирован режим законности, воплощенный в поступках, в образе мыслей и действий представителей власти. Значит, идеология нацелена главным образом на правоприменителей, особенно правоохранителей. Элитарный характер ей не присущ: она массовая, но под ее юрисдикцией — "слуги народные", государственные и муниципальные служащие.

В обстановке конфронтации мигрирующие из населения в чиновники и обратно считаются едва ли не перебежчиками. Любопытный пример: сотрудники Следственного комитета, выходя на пенсию, обыкновенно становятся адвокатами, объясняя свой выбор непреодолимыми позывами к защите прав граждан — будто перешли на светлую сторону Силы. Вместе с тем, и адвокаты способны предпочесть идеалам справедливости "бубновый интерес", однако настоящий профессионал (в отличие от профи) себя уважает и потому согласится вступить в дело лишь будучи уверенным (а не мотивированным) в невиновности своего подзащитного. Этим, к слову, снимается вопрос "может ли коммунист быть защитником по уголовным делам", волновавший юристов в первые десятилетия Советской власти.

Таким образом, главное предназначение правовой идеологии есть культивирование нравственного чувства в мышлении и поведении госслужащих. О правосознании же — в любой его ипостаси (научное, профессиональное, обыденное) — вернее говорить применительно к людям, властью не облеченным.

В-третьих, разграничение популизма и публичности, ибо публичный интерес и общественное благо далеко не всегда совпадают [1]. Ген популизма в правовом архетипе отвечает за "понимабельность и исполнибельность", в противном случае общеобязательность норм утратила бы смысл. Однако сие не должно восприниматься как шанс шоуменам от политики "быть в ресурсе", штампуя абсурдные законопроекты и делая безответственные заявления на потребу ожесточенным злобой дня. С другой стороны, нельзя допускать установления "дистанции огромного размера", отрывающей "элиту" от "населения", что чревато доведением их отношений до антагонизма. Столь же опасно толкование публичности как нарочитой транспарентности, создающей впечатление, будто каждый запросто может управлять государством и вершить историю посредством ежедневного выставления (диз)лайков под постами политиков в соцсетях — такого рода иллюзия гражданской активности непременно обострит социальные противоречия.

Прискорбно, но в эпоху засилья пиара и политтехнологий народ вытеснен конгломератом электората, а за неимением консенсуса практикуется "сотрудничество с администрацией", ассоциативно связанное у кого с уголовно-исполнительной системой, а у иных — даже с коллаборационизмом в годы оккупации. Дух закона формализован уже не его буквой, а вездесущей цифрой рейтингов, просмотров и лайков: налицо внедрение масскульта в правовую культуру, маркетинг правотворчества и менеджмент правосознания. Свежеиспеченные консерваторы во всем винят западный "экспорт демократии". Нам же представляется, что демократию давно пора осмысливать не как полит-клише или популистско-эгалитарную декларацию. С мировоззренческих позиций, вера в общие ценности, скрепленная духом нации — вот в чем принцип демократизма. У народа с властью должно быть согласие, оно есть основа доверия к политико-правовому курсу.

В идеологическом претворении решаются ключевые и взаимосвязанные проблемы права — вопросы равенства и справедливости. Политике имманентен релятивизм, а потенциал права деструктивен и состоит в умении задавать вопросы, а не находить ответы (как, скажем, в истории или философии). Право действительно перманентным самоограничением, именно в нем выражается "prudentia" (досл. благоразумие, осмотрительность). По этой причине юриспруденция не проактивна, в отличие от идеологии (особенно непозитивированной и неполитизированной), которой под силу гармонизация гуманитарного и

социального аспектов юриспруденции. Идеология ставит вопрос шире — о моральном праве поступать так, а не иначе. Нравственный перфекционизм всегда предъявляет повышенные требования к культурно-образовательному уровню служащих закона, формируя тем самым их моральный облик (не имидж!) Приверженность идеалам не выхолащивает мышление юристов до конструкций и формул. Градус правосознания поддерживается в большей степени живительной силой личного примера, нежели курсами юридической грамотности.

Итак, в отличие от публичной политики и тенденциозного популизма, идеология демократична *ipso facto*: правоприменители исповедуют те же идеалы, что и народ, а не какие-то мета-юридические конструкты наподобие "диктатуры закона" или "правовых вызовов". Общностью мировоззренческих установок поддерживается постоянство внутренней среды государства, обеспечивая его суверенитет и социальный гомеостаз. Нормы Конституции объективируют правовую идеологию, однако не исчерпывают и не подменяют, поскольку и статьи Основного закона нуждаются в мировоззренческой репрезентации. Власть не может самоустраниться от функции обеспечения прав граждан: даже признавая естественный характер их происхождения, гарантирует осуществление прав только государство — в противном случае воцарится анархия, сдерживаемая обычаями кровной мести.

Таким образом, назрела насущная необходимость переосмыслить миссию правовой идеологии и вернуть ей былую значимость. Правовая гармония видится нам в сочетании идейного максимализма с юридическим минимализмом. Социально-этические требования закрепляют недопустимость (профилактический компонент), а правоприменение заботится о недопущении (компонент процессуально-превентивный). Позитивное право, не говоря уже о юридических реалиях, не просто вырастает из идеологии — ему потребно до нее дорасти. Идеология насыщает юридическую форму гуманистическим содержанием, облагораживая правовую догматику [5], смиряя бюрократию императивом нравственности, стоящим превыше даже верховенства закона. Мы убеждены: перспектива права в архаизации, а его социальная ценность — в идеологии.

Список используемых источников

1. Золтан П. О некоторых чертах доктрины «возрожденного» естественного права // Критика современной буржуазной теории права. М., 1969. С. 126–127.
2. Клименко А.И. Дисфункции правовой идеологии и их причины // Вестник Московского института МВД, 2015. №12. С.139–147.
3. Мальцев Г.В. Социальная справедливость и право. М., 1977. 203с.

4. Мельников В.Ю. Формирование правовой идеологии государства // Инновационная наука, 2016. №1. С.133–134.
5. Михайлов А.М. Правовая идеология и правовая догматика // Genesis: исторические исследования, 2017. №1. С.31–52.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
7. Симашенков П.Д. Антикоррупционный форс-мажор на государственной службе // Кадровик. 2019. № 3. С. 35-44.
8. Pavel D. Simashenkov. Ideological surpassing of Philosophy // Modern European Researches. Salzburg, 2019. №4. P. 54–62.